

Учебный год — новый, проблемы — старые...

*Беседа с начальником Департамента общего среднего образования
минобразования РФ М.Р. Леонтьевой*

Беседу вела **Нина ЦЕЛИЩЕВА**

В последние 15–20 лет наша школа подвергается массовой критике как со стороны профессионалов — педагогов, учёных, медиков, так и со стороны родителей, общественности. Суть критики можно свести к одному важнейшему аргументу: всех школьников, независимо от их врождённых способностей, заставляют изучать один и тот же набор учебных предметов. Хотя физиологи, да и практики доказали: математику могут усваивать 15–20% ребят, физику — 20%, химию — 30–40%. Школа же продолжает насаждать уравниловку, для многих учеников программы непосильны, что вызывает стрессы, дидактогенные неврозы, пагубно сказывается на здоровье школьников. Среди выпускников лишь 10–11% практически здоровых ребят. Журнал “Народное образование” не раз писал об этой крайне тревожной ситуации. Последняя публикация “Глас народа — глас Божий. Школой недовольна вся страна. Почему?” целиком основана на материалах прессы за последнюю четверть века. Читать эти “свидетельские показания” родителей, учителей и самих ребят о том, что школа для них — хуже каторги, просто невозможно: рвётся сердце.

К удивлению читателей журнала (нам об этом пишут, звонят), ни Министерство образования, ни РАО ни единым словом не откликнулись на эту публикацию. Что ж, можно принять это молчание как знак согласия. И всё же хотелось бы знать позицию Министерства образования, тем более что новый учебный год приближает нас к некоему новому образовательному рубежу — к 12-летней школе. На Всероссийском совещании работников образования в январе этого года, как известно, мы обсуждали Национальную доктрину образования в Российской Федерации и концепцию структуры и содержания общего среднего образования в 12-летней школе. Помогут ли эти документы преодолеть застаревшие беды нашей школы? Выведут ли её на новое качество? Эти вопросы вполне естественны в начале нового учебного года, когда все мы думаем: что там, впереди?

Наш корреспондент беседует с начальником Департамента общего среднего образования Министерства образования Российской Федерации М.Р. Леонтьевой.

— Уважаемая Маргарита Романовна! Хотелось бы начать нашу беседу с самого болезненного вопроса: когда мы перестанем (и перестанем ли?) учить всех детей одному и тому же? Была школа единообразной, сейчас провозглашена вариативность, но ведь, по существу, единый для всех базисный учебный план — это то же самое единообразие? Какова в этом вопросе ваша позиция, человека, который непосредственно курирует содержание общего среднего образования в стране?

— Я абсолютно согласна с тем, что до 1992 года, до выхода закона РФ “Об образовании” у нас была жёсткая, единообразная школа, и это шло вразрез с психологическими, функциональными особенностями ребёнка. Совершенно очевидно, что есть гуманитарии, а есть естественники, математики. Но эти склонности особо проявляются к четырнадцати–пятнадцати годам. К сожалению, старшая школа была и пока остаётся общей для всех. Мы не можем её перестроить всерьёз на профильную, учитывающую особенности и возможности каждого ученика, потому что сильны традиции.

— **Какие традиции, кто их так свято соблюдает?**

— Как кто соблюдает? У нас была единая школа — вот и всё. Значит, был единый учебник, была единая программа, были жесточайшие стандарты, которые не снились ни одной стране. Их нельзя сравнить с нынешними так называемыми стандартами. Это совершенно очевидно. И до 1992 года у нас, скажем так, была дифференциация, но какая? Были школы

с углублённым изучением иностранного языка для одарённых детей — прямо скажем, — ну и с изучением математики. И то это только благодаря академику Н.П. Лаврентьеву, который в любой кабинет ЦК мог свободно открыть дверь и сказать, что так **надо**. Благодаря ему работали эти школы. Всё. Больше никакой дифференциации не было.

То, что после пятнадцати лет надо дифференцировать обручение, — вне всяких сомнений. И фактически та концепция, которая принята сейчас по двенадцатилетке, определённо говорит, что старшая школа строится на основе профильной дифференциации. Я бы сказала, что наконец-то мы в этом документе достаточно высокого уровня сказали напрямую о необходимости дифференцировать образование с учётом склонностей ребят. Хотя опыт дифференциации школ, начиная с 1992 года, у нас уже есть. В системе образования появилось то, чего никогда не было: не было гуманитарных школ, не было лицеев, гимназий. И больше того: ими уже опыт накоплен. Теперь мы должны ответить себе: в начальном образовании нужна дифференциация? Думаю, вряд ли.

— **Вы имеете в виду, что читать, писать, считать должны уметь все?**

— Совершенно правильно. Пятый-девятый класс — вот оптимум для этого. Ранняя профилизация, о чём все говорят, в том числе и физиологи, — не на пользу, а во вред. А о том, что старшая школа должна быть профилированной, — иных мнений нет.

— **Но почему у нас одинаковый набор предметов сохранился в массовой общеобразовательной школе?**

— А почему он должен быть разным?

— **Но ведь вы только что сказали, что школа должна быть профилированной. Многие ребята хотят...**

— Ребята хотят, ребята не хотят... Я приведу только один пример. В 1990-м при одном из лингвистических университетов была открыта школа, из программы которой убрали математику в десятом классе. В конце первого полугодия школьники потребовали вернуть математику. Конечно, математика для гуманитариев должна быть другая, но то, что её надо изучать, — бесспорно. Школьник-гуманитарий получает общее среднее образование, а его лишили всех естественных дисциплин. Но он должен знать, кто виноват в том, что от кошек рождаются только кошки...

— **А разве он не может прочитать об этом в книжке, в справочнике, если захочет узнать это?**

— Что значит “захочет узнать”? Мы даём общее среднее образование, и человек, который выходит из школы и не знает, что этим процессом управляет генетика, — это странно, весьма странно. Для нашей школы, по крайней мере. Но то, что мы всех учеников заставляли решать задачи на законы Менделя, — это бред, потому что гуманитарий это не способен понять, а естествовед — способен, и здесь никаких проблем. Поэтому я считаю, что должны быть учебные естественно-математические курсы для гуманитариев, только по-другому построенные. И учебники, по-иному написанные. Кстати, поскольку у нас были единые учебники, единая программа, мы никогда не обсуждали, каким способом можно излагать содержание образования. Там, где много программ и много учебников, как бы ни был написан учебник, это один из трёх способов: либо это предметноцентрированный способ, либо социоцентрированный, либо это личностноцентрированный способ изложения материала. Так вот, если учебник физики написан предметноцентрированным способом, то гуманитарий его не поймёт. А у нас всегда была одна школа — жёстко предметноцентрированная. И все учебники ориентировались именно на это. Стоило появиться другому учебнику, как его немедленно уничижительно называли “описательным”. Там по-другому излагался материал. Предметноцентрированные учебники строятся по такой схеме: даём формулу, решаем на неё задачи, приводим примеры. К сожалению, у нас нет сегодня **школы авторов учебников**, способных писать учебные книги другим способом по отношению к тем, которые будут по ним учиться. Хотя у нас есть мощнейшие авторы учебников физики (таких нет в мире), есть авторы, которые пишут блестящие учебники, но пишут их для естествоведов. Столько это продолжается... Чтобы преодолеть ситуацию,

мы только сейчас объявили конкурс учебников для старшей школы, для гуманитарных школ по физике, химии, биологии... Теперь уже не будут приняты учебники, написанные предметоцентрированным способом. У нас появился учебник естествознания для старших классов — его уже всюду критикуют. А он по-другому написан, он не такой, к каким мы привыкли — к физике, химии, биологии.

— **А кто автор этого учебника?**

— Сотрудники МГУ, в том числе философы. Они, конечно, еще не смогли написать идеальный учебник, его ещё нужно “доводить”. Но это уже иной учебник. Поэтому, наверное, и мнения о нём разделились диаметрально: одни говорят: “Блестящий учебник!”, а другие: “Это вообще не учебник...” А всё потому, что у нас школа сконструирована по-другому, и мы бьёмся сейчас над тем, какими должны быть математика, физика, химия в нашей школе. Но что они должны быть в программе — это, повторю, бесспорно. Между прочим, к этому возвращаются все страны. США пытаются ввести обязательные компоненты, в том числе и по естественным дисциплинам. Превращать систематические курсы в интегрирование — нет, этого не будет. У нас обязательно будут систематические курсы, только нужны иные учебники. Дальше вопрос о наборе предметов. Набор предметов, я бы сказала, у нас весьма традиционный для основной школы, традиционный для всего мира. У нас нет таких предметов, которые не изучались бы во всём мире, во всех школах, если эта школа не претендует быть лишь социальным институтом, а остаётся образовательным учреждением. Низводить нашу школу до уровня социального института нельзя, общество этого не поймёт, не примет. Естественные дисциплины во всех странах изучаются, родной язык, иностранный, общественные дисциплины есть у всех, искусство — больше, чем у нас, ну ещё физкультура... А что ещё у нас есть такого, что не изучается в школах других стран?..

— **Но в школах других стран те ребята, которые хотят стать, скажем, официантами, слесарями, медсёстрами, не изучают математику. У зарубежных школьников есть реальная возможность выбирать предметы...**

— Я не думаю, что наши родители позволят, повторю, превратить школу в социальный институт... Конечно, школа всегда является частью не только образовательной, но, несомненно, и социальной среды. Но превратить её только в социальный институт — этого нельзя делать. И на это не пойдёт правительство. Должна сказать, что правительство и государство не от щедрости душевной обеспечивают право каждому гражданину получить бесплатно общее образование. Это очевидно. У нас теперь тоже не все предметы одинаковы. В начальной школе — одни, в основной — другие, на старшей ступени — третьи: русский, литература, иностранный, математика, история, обществознание, физика, химия, биология, физкультура. Это требование общества, своего рода социальный заказ.

— **Но, Маргарита Романовна, разве можно утверждать, что школа успешно с ним справляется? В интервью журналу “Народное образование” (№1, 2000 г.) министр образования Владимир Михайлович Филиппов сказал, что 50% учащихся не усваивают программу средней школы и что из её стен выходят сегодня 90% больных детей. Многие склонны связывать это со сложными социальными условиями. Но по данным академика С.Аганбеяна, в 80-х годах, например, выделялось на образование 10% из бюджета, а картина со здоровьем детей была та же самая. На конец 80-х годов приходится пик публикаций, в которых общество выражало резкое недовольство школой. 23 марта этого года в “Правде” опубликовано интервью заместителя директора института физиологии и гигиены детей и подростков Российской академии наук Суховой, где она называет нашу школу “школой жизни и смерти”.**

Так не связано ли всё это с единым базисным учебным планом, с этим “некоронванным” стандартом, не посильным для ребят? Не отсюда ли дидактогенные заболевания — неврозы, психические расстройства и даже детский суицид? Помните публикацию в “Учительской газете” “Сохрани это письмо до конца жизни” от 14 декабря прошлого года?

— Ну, что я могу сказать? Во-первых, цифру, которую привёл наш министр, не стоит

эксплуатировать. Трудности в освоении программ во многом обусловлены тем, что у нас учебники сориентированы на всех детей. А дети у нас разные: одни гуманитарии, другие естественники. Во-вторых, в 5–9-х классах у нас была шестидневка, объём содержания рассчитан был на этот срок недельной учёбы. Потом мы всё содержание спрессовали в пятидневку, ну а если всё проходится “галопом по европам”, то и уровень знаний низок, и перегрузки есть. Потому и ставится задача — растянуть сроки обучения. Дальше. У нас затеоретизированы естественные предметы — это факт. Урезая время на изучение предметов, мы сохраняем тот же объём материала. В этом проявляется эгоизм предметников — химиков, биологов, математиков, их жесточайшая корпоративность. Разрушить её очень трудно — это мы все прекрасно знаем. Поэтому прикладная часть у нас страдала и страдает, и это надо признать. Предметы у нас, особенно естественные, сориентированы на математическую, на физическую грамотность. А в зарубежной школе — на функциональную грамотность, а это аналог прикладной направленности и уход от фундаментальных вопросов. Решить проблему перегрузки поможет двенадцатилетняя школа. Мы не снижаем уровень образования, рассчитанный на пятидневную неделю, а только “вытягиваем” год.

— Значит, по существу, содержание образования останется таким же, только растянется на двенадцать лет?

— Совершенно верно. И самый тяжёлый период — 5–9-е классы станет периодом 5–10-е. Это даст возможность разгрузить ребят, фундаментальную составляющую школьного образования подкрепить прикладной направленностью, что необходимо. А если мы только учим и учим теоремы, не закрепляем их, не проецируем на жизненные ситуации, не знаем, где они применяются, — конечно, от этого с ума сойдёшь...

— И всё-таки: как преодолеть этот ужас: школа, из которой выходят здоровыми только 10% детей? Остальным впору давать справку о частичной нетрудоспособности...

— А сколько здоровых детей поступает в школу?

— Так значит, им надо облегчать жизнь, а не усугублять их проблемы?..

— Ну, жить вообще вредно... Школьный фактор, конечно, отрицательно влияет на ребёнка. Это вне всяких сомнений. Но нельзя сбрасывать со счетов и то, что в обществе происходит. Школа — часть общества, и если общество больно, то больна и школа. Но самое-то главное, что мы сегодня в обществе не умеем общаться, мы утратили эту способность: вежливо, доброжелательно общаться друг с другом. Это больно бьёт по детям, и это — самый сильный негативный школьный фактор, который мы в силах снять. И зависит это только от взрослых. Только от самого педагогического сообщества. Потом, под цифру 90% медики “гонят” всё, в том числе те заболевания, что были всегда. Что значит увеличивается число хроников? А когда у нас было 100% здоровых детей? Ну не было этого! Никогда. Нынешние психические расстройства, неврозы... Конечно, этому способствуют перегрузки. Школьная перегрузка — сильный фактор, который надо снимать. У нас появилась удивительная тенденция, которую отследили работники Министерства здравоохранения. Они выявили, что тяжелее всех детям в лицеях и гимназиях. Почему? Потому что резко возросла мотивация обучения. У нас в старшей школе исчезает списывание. Вот интересный фактор! Подростки хотят учиться. Значит, нужно сокращать нагрузку и в старших классах, и в этих лицеях и гимназиях. На одном из совещаний председатель Московского комитета образования Л.П. Кезина сказала директору одной из гимназий: “Вам и десятидневку дайте — вы будете детей мучить с утра до вечера!” Вот этот фактор — эту педагогическую экспансию, перегрузку обязательными занятиями надо снять прежде всего. В последние годы регионы вводят много одночасовых предметов, что приводит к их огромному количеству. Это тоже надо изживать! У ребят до седьмого класса не должно быть больше 5 уроков. Это должно стать нормой. Все, наверное, помнят скандал вокруг письма заместителя министра В.Д. Шадрикова в связи с санпином. В нём было чёткое требование — снять перегрузки! Что тогда началось! В “атаку” пошли родители. Но Владимиру Дмитриевичу при его жёстком характере удалось преодолеть родительский

эгоизм. Он твёрдо сказал: “Здоровье детей дороже”. И ведь всё равно многие школы подпольно восстановили старую нагрузку. И так очень часто бывает: с одной стороны, мы говорим: “Дети перегружены”, а с другой — стоит министерству сделать шаг в сторону разгрузки, как и родители, и учителя протестуют, потому что у них нагрузка уменьшилась. А ведь у нас к тому же один из самых коротких учебных годов и самая большая нагрузка. В сравнении с другими странами в России не такие уж полные классы, как пытаются порой представить: наполняемость 25 человек — это нормально, и снижать её не надо. В других странах и по 35, и по 40 учеников в классе — это трудно учителю, но легче ученику. Я абсолютно в этом убеждена. А вот недельная нагрузка остаётся у нас большой, это грустно.

— **И не менее грустно, Маргарита Романовна, что у нас остаётся стандарт. Все публикации последних лет говорят о том, что стандарт, любой — низкий, средний, высокий, маленький — зло, так как стрижёт всех под одну гребёнку...**

— Ну, стандарты у нас, слава Богу, не приняты, потому что мы до сих пор не можем договориться о том, что такое стандарт. А публикации, что ж, — пусть идут. Когда в школе — чему хочу, тому учу, то пользы от этого грош. Я вам только один пример приведу. В Ярославле выпускница поступала в вуз, и на вступительных экзаменах была тема сочинения по Горькому. Её учительница не любила Горького и о творчестве этого писателя ничего классу не давала. Девушка получила “неуд”, родители — люди грамотные, подали в суд. Имеет ли право школа, учитель подвергать опасности ребёнка? Мы подработали и утвердили приказом обязательный минимум содержания образования. Это не то, что надо требовать от каждого школьника. Это то, что во всех школах должно быть дано, и чтобы родители знали, что Великая Отечественная война в нашей школе изучается, что изучаются Пушкин, Толстой, Чехов. Надо выпускнику средней школы знать имя Блока, знать “Евгения Онегина”. На основе этого обязательного минимума можно составить любую программу. Можно сначала изучать неравенства, а потом линейные уравнения, квадратные и квадратные неравенства. А можно наоборот. На этой базе можно выстраивать основы знаний. Институтам мы тоже сказали: есть обязательный минимум старшей школы, и только в его пределах вы можете спрашивать абитуриентов на экзаменах.

— **Да, мы опубликовали этот документ в 4–5-м выпуске журнала. Хорошо, что разработаны примерные программы вступительных экзаменов, в которые вошло только то, что учат дети в 10–11-х классах. Это ценный документ для школ, для родителей, для самих выпускников. Теперь родители имеют хотя бы основание для разговора с членами экзаменационных комиссий институтов.**

— Так что повторю: школьные перегрузки — сильный фактор. Но социальный фактор — сильнее: пока будет болеть общество, будут болеть дети, хоть убей меня... Преображать же школу в социальное учреждение — это не для России. Надо менять формы и методы обучения в старшей школе, надо отделять старшую школу от основной — в этом я убеждена. Учитель не способен в 5-м классе работать одними методами, а в старших — другими. Разговор о том, что старшие заботятся о младших, — это лукавство, иллюзии. Этого нет. Во всём мире старшее звено отделяют, и правильно делают. И у нас так должно быть. Побогаче были бы, давно двенадцатилетку ввели и отделили бы старшую школу. Ребёнок устаёт, как и любой человек, от многолюдья. Правильный вариант, на мой взгляд: школа — детский сад, 5-е и 11-й классы. Учреждений, где от трёх до десяти лет дети вместе, — уже много, и их число растёт. Отделиться от старшей школы просто необходимо во имя детей, хотя для нас это пока сложно.

— **А что делать, Маргарита Романовна, с так называемыми инновационными школами? Ведь в них ребята оказались заложниками директорских и учительских амбиций: в некоторых школах до 9–11 уроков в день. Мыслимо ли это?**

— Это преступные амбиции взрослых. Мы все должны думать прежде всего о благополучии детей, об их здоровье. Учителей в чём-то понять можно: им до смерти надоело, что за шаг в сторону — расстрел. Когда школы обрели свободу, когда появились первые уста-

вы, авторские программы, в учебные планы просто “напихали” разные предметы. Объявляли, например, что эта школа с экологической направленностью, ввели один час экологии. Это было некоей болезнью роста, издержками той свободы, с которой не знаешь, что делать. Надо сказать, что это во многом было спровоцировано, в том числе и министерством. Помните, в первом Положении об аттестации учителей было сказано, что они аттестуются на какую-то категорию в том случае, если создали свою авторскую программу. А что такое — создать программу? Мы, помню, упрекали ректоров педвузов: “Вы не учите предметников составлять программы по своим предметам!” Но ведь подавляющему большинству учителей это не по силам: программа подчиняется жёстким законам — полноты, непротиворечивости... Словом, мы в министерстве тоже увлеклись красивым словом “инновация”. Но это прошло, утихомирилось.

— **Насколько я знаю, ещё не прошло, к сожалению, ещё существует жёсткий отбор в 1-е классы, словно малыши поступают в университет. Многие директора школ говорят: “Ваш ребёнок нашей школе не подходит”...**

— А вот это — совсем другая проблема. Это должно искореняться самым строжайшим образом. Инновационные школы были, есть и будут. И должны быть, иначе система развиваться не будет. Но то, что ребёнок школе не подходит по тестированию или собеседованию — это грубое нарушение закона РФ “Об образовании”. Это то, **за что прокуратура должна карать образовательные учреждения.** Я употребляю именно это жёсткое слово, потому что в нашей Конституции сказано, что общее образование является общедоступным. Девятилетка обязательна для всех, а десятилетка для тех, кто хочет. И никто — ни директор, ни руководители органов образования, ни министр — не имеет права, ни по каким признакам, какая бы элитарная школа ни была, отказать ученику в приёме в 10-й класс. Другое дело, что родители должны понимать: есть дети, которые не потянут программу старшего звена школы. Когда мне директора говорят: “Да вы что, Маргарита Романовна! У меня в пятый класс в гимназию поступает столько заявлений, что же мне делать?” Я отвечаю: “Это ваши проблемы, дорогие педагоги! Ваши и вашего учредителя. Но не проблемы родителей и ребёнка”. Вот это надо чётко осознать, а проводить при приёме в школу семь экзаменов, как делают в некоторых школах, — грубейшее нарушение закона. Это аморально, особенно при декларациях о гуманной школе, о лично-ориентированном образовании...

— **Я знаю, что некоторые руководители муниципальных органов управления образованием, в частности, в Республике Татарстан, например, издали приказ, запрещающий отбор детей при поступлении в первый и в десятый классы.**

— В Татарстане правильно сделали: органы управления — учредители своих школ и должны стоять на страже закона, охраняя право граждан на образование. Во всех регионах должны это сделать. Это крайне большая проблема. Мы писали по этому поводу письмо, на каждом совещании говорим о том, что этого нельзя допускать, у нас были представления прокуратуры. (Когда даётся представление в регионе, прокуратура обязательно направляет его нам.) У нас регионы сейчас настолько самостоятельные, что в некоторых из них приняты свои законы об образовании, которые расходятся с федеральным законом. Здесь нужны и сила общественного мнения, и правовая осведомлённость родителей. То, что у нас правовая культура низка, — общеизвестно. К сожалению, это бьёт по детям. Особенно обидно, что правовая культура у некоторых руководителей невысока, мягко говоря.

— **Как, впрочем, иногда и профессиональная. В газете “Мегаполис-Экспресс” было опубликовано недавно сообщение о том, что появились учебники (альтернативные, естественно), в которых закладывается то, что называется кодированием. Допустим, даётся задание: решить такие-то примеры или задачи, а при выполнении этих задач отключаются какие-то участки мозга. А мы требуем от учителя выбирать учебник, т.е. быть экспертом. Ему это не под силу, да и не его это дело, на это есть методики, учёные...**

— Да, есть у нас такая тяжёлая ситуация. Недавно мне принесли новый учебник рус-

ского языка для 5-го класса, мы отдали его на экспертизу в Психологический институт РАО. Психологи его проанализировали и единодушно сказали: ни в коем случае не использовать в школе! Категорически нельзя! В связи с этим могу посоветовать руководителям школ и учителям: если хотите выбрать учебник — берите его из федерального комплекта, с грифом Министерства образования. У нас сейчас достаточно учебных книг для выбора. Учебники федерального комплекта проходят жесткую экспертизу, получают не одно заключение, а несколько. Эксперты — учёные РАО и РАН. В учебнике русского языка, о котором идёт речь, все подано под весьма броским лозунгом ноосферного образования. Но ведь за этими красивыми словами ничего нет — пустота. Уж лучше не играть с такими книгами, чтобы не наломать дров. В педагогике подобные эксперименты очень дорого обходятся: их цена — судьбы детей.

— **Маргарита Романовна, хотелось бы обсудить и такой вопрос. Классик научной педагогики Адольф Дистервег утверждал: “Мы страдаем переоценкой знаний. Они никогда не должны занимать первое и господствующее место. Для многих людей было бы лучше, если бы они меньше знали, но больше делали. Нам не хватает сильных энергичных людей...”.** Как вы считаете: не относится ли это впрямую и к нашей школе с её когнитивным “перекосом”? Тем более сейчас, когда в большинстве школ нет трудового обучения и воспитания, а многие УПК перестали существовать. Разве что в сельских школах эта работа ведётся в ученических производственных бригадах, лесничествах.

Каково ваше отношение к этой проблеме и что делает (или будет делать) Министерство образования, чтобы вернуть в школу полноценное трудовое обучение?

— Трудовое обучение сегодня серьёзно перестраивается, потому что в том виде, в каком оно существовало, оно неприемлемо. Труд из школы не исчез — он есть во всех учебных планах. Есть и будет. В старшей школе он будет разным. Всех заставить идти в машинисты или в доярки, как прежде, мы не можем. А посему и нужна сегодня профильная школа, с разными профилями. Совершенно очевидно, что работа руками уже в начальной школе активно способствует развитию ума. У нас подготовлены хорошие пособия — впервые за многие годы! — которые помогают обучать малышей труду, прививают полезные трудовые навыки. В 5–9-х классах надо перестраивать систему обучения этому предмету, переводить его на проектную основу, когда ребёнок учится конструировать, соображать, исследовать и делать. Метод проектов — прекрасный метод, воспитывающий умельцев. И этим должен руководить учитель. В Англии, например, дети изобретают самое невероятное. Мне показывали, как работают дети: читают, потом конструируют. И всё — своими руками. Любое дело ребята учатся доводить до конца.

Наша позиция в этом вопросе такова: убирать труд из школы ни в коем случае нельзя, но надо пересматривать методы трудового обучения. Профессию мы тем самым не дадим, это ясно, но разработаны прекрасные курсы для старшеклассников “Твоя профессиональная карьера”, есть профориентационные классы. Всё это поможет школам вести трудовое обучение на хорошем уровне.

— **Ну и, наконец, последняя тема нашей сегодняшней беседы. В январе этого года прошло Всероссийское совещание работников образования. “Учительская газета” накануне вышла под такой шапкой: “Придём в Кремль и решим, как жить дальше”.** Начался новый учебный год — эта самая “жизнь дальше”. На совещании был избран Федеральный координационный совет по общему образованию, приняты документы. **Как Вы считаете: всё это окажет реальное влияние на жизнь школы, на образование в целом? Совет что-то уже координирует? Судя по почте журнала “Народное образование”, наше образовательное сообщество весьма скептически оценивает итоги этого совещания.**

— К нам в министерство тоже идут письма — с одобрением, с надеждой на новый общественный орган. В совете, как известно, 60 человек. 10 — от Российской академии наук, 10 — от Российской академии образования; 10 человек — от Государственной Думы,

от Совета Федерации, от правительства и от министерства, половина — директора и учителя из разных образовательных учреждений. Совет рассмотрел положение о конкурсе на базисный учебный план, объявил и провёл этот конкурс. Он рассмотрел и утвердил составы советов, которые будут разрабатывать и обсуждать концепцию образовательных областей. Эти советы провели несколько заседаний. Разработана общая концепция естественнонаучного образования. На очереди — содержание образования в двенадцатилетней школе. Словом, все документы, которые готовятся по двенадцатилетней школе, будут рассматриваться Федеральным координационным советом.

— А всё-таки: как обстоит дело со стандартом: он будет введён или тихонечко пойдёт? Хотя ведь базисный учебный план — это, по существу, как мы уже говорили, тот же самый стандарт, не так ли?

— Да, обязательный минимум — это элемент стандарта. Приказом министерства утверждён только обязательный минимум, учителю надо понять, что это такое — обязательный минимум образования, какие требования надо предъявлять школьникам. Кстати, когда сделали первый вариант требований, все были очень довольны. А потом, когда начали разрабатывать измерители, так требования и “поплыли”. Мы нашли в себе мужество сказать: требования утверждать не будем. Требование, которое невозможно измерить, — кому оно нужно?!

— Да, Маргарита Романовна, это мы уже много раз, к сожалению, проходили и проходим — отсутствие критериев даже там, где они крайне необходимы. В командировках я то и дело слышу в иных школах от учителей: “Я работаю по развивающему обучению, и у меня очень хорошие результаты”. А чем они измеряются — какой линейкой, какими весами? По каким критериям? В ответ на эти вопросы — гробовое молчание...

— Вы правы. Мало того, когда начинаешь проверять, то даже обязательный результат не достигается во многих “развивающих” классах. Это мы знаем. Так что над измерителями качества обученности нам ещё работать и работать... Мы подготовили несколько пособий, но они очень неравнозначны по качеству. Скажем, “оценка качества подготовки выпускников основной школы” по химии, по математике мне нравится, а история ужасно не нравится. Впрочем, и самим авторам эти измерители, эти критерии не нравятся. Но хорошо уже то, что мы начали думать в этом направлении. Измерители должны дать учителю чёткую ориентацию. И, конечно, ни в коем случае нельзя превращать любые критерии в кнут для школьника.

— Ну что ж, спасибо вам за беседу! Будем надеяться, что хотя бы какие-то проблемы нашей школы из разряда старых, а то и “вечных” будут решены в этом году. Чем меньше их станет, тем увереннее пойдёт школа к своему новому качеству...